

КОРОЛЕВСКИЕ ВОРОТА

Журнал про людей и их деньги

№ 12 (126) декабрь 2010

Калининградская торгово-промышленная палата:
традиции, развитие, возможности

Интеллектуалы против популизма

В свои 80 лет Мишель Деги поражает юношеской легкостью. И в перепрыгивании луж, и в остроте ума. Он сразу предупредил: «Я буду говорить только там, где можно курить и пить кофе одновременно».

Едва ли можно встретить более «французского французца», чем месье Деги! В начале лекции в РГУ им. Канта он назвал президента своей страны «мужем Карлы Бруни» и, отвечая на вопросы студентов, несильно утруждал себя политкорректными формулировками. На наивно-наглый вопрос: «Как вы считаете, может ли Калининград стать интеллектуальной столицей Европы?» — Мишель выкрикнул: «Нет, конечно!».

Философ и поэт в одном лице, он сразу сделал несколько остроумных наблюдений: «Нигде в мире я не видел таких плохих дорог и таких высоких каблучков у дам».

Кроме города Канта, — это его первый и, по его трезвой оценке, последний визит сюда, — Мишель много раз бывал в Москве и Ленинграде-Петербурге во времена поэтических 60-х годов прошлого уже века. За короткое время пребывания в нашей области Деги посетил памятный знак в честь Томаса Манна в Светлогорске, Кафедральный собор и, конечно, альма матер Канта — университет. После бурной лекции, посвященной проблемам французской идентичности, в которой профессор то и дело пускался в пространные лирические отступления, остались вопросы, которые я ему задала.

РАЗНЫЕ КАНТИАНЦЫ

— **Месье Деги, вы в лекции рассказали, что президент Саркози обратился к гражданам своей страны с вопросом: «Кто мы, французы?». Почему первое лицо государства взволновал такой философский вопрос?**

— Потому что он очень важен. Дело в иммиграции и национальном самосознании. Важно понять, кто есть теперь французы, и кто не являются французами? Впрочем, похожие проблемы стоят сегодня не только перед Францией — перед всем миром! Многие политики Германии в последнее время считают, что в их стране слишком много турков. Или вот свежий пример. В Западной Европе есть десяток миллионов цыган — выходцев из Болгарии, Румынии. Они поселились в Испании, откуда их хотят выселить, потом поселились в Италии, их и оттуда хотят выселить, из Франции их тоже намерены выгнать!

— **И что вы по этому поводу думаете?**

— Это очень сложные вопросы регулирования миграционной политики. Но, в любом случае, не стоит обращаться с народом, как с инородным телом. Скандал, связанный с Саркози (*высылка из страны цыган-нелегалов. — Авт.*), произошел потому, что президент сделал очень грубую ошибку — не занялся проблемой таборов, поселений, а выделил, заклеил по национальной принадлежности одну категорию людей.

— **Что представляет собой французское общество сегодня?**

— Как и другие страны, моя разделена на группы. Можно сказать, что Франция всегда находилась в состоянии гражданской войны — начиная со времен религиозных раздоров и заканчивая сегодняшним днем, когда можно говорить, что левые выступают против правых. У нас есть роялисты, республиканцы, левые, правые... — страна глубоко разделена. То же самое в Америке: там 30 процентов населения считают Обаму ничтожным негром, который еще и мусульманин. Вопрос в том, как преодолеть это разделение... Еще можно сказать, что политика у нас сейчас антиинтеллектуальная, очень популистская. По всякому поводу спрашивается мнение народа, проводится анкетирование, и на основании результатов принимаются решения. Интеллектуалы никакой роли не играют, и поэтому они часто выступают против власти. В любой французской газете, например, в «Ле Монд», четыре-шесть страниц каждый день посвящены мнению интеллектуалов. Они выступают очень активно. Но приходится сожалеть, что главенствует антиинтеллектуальный популизм.

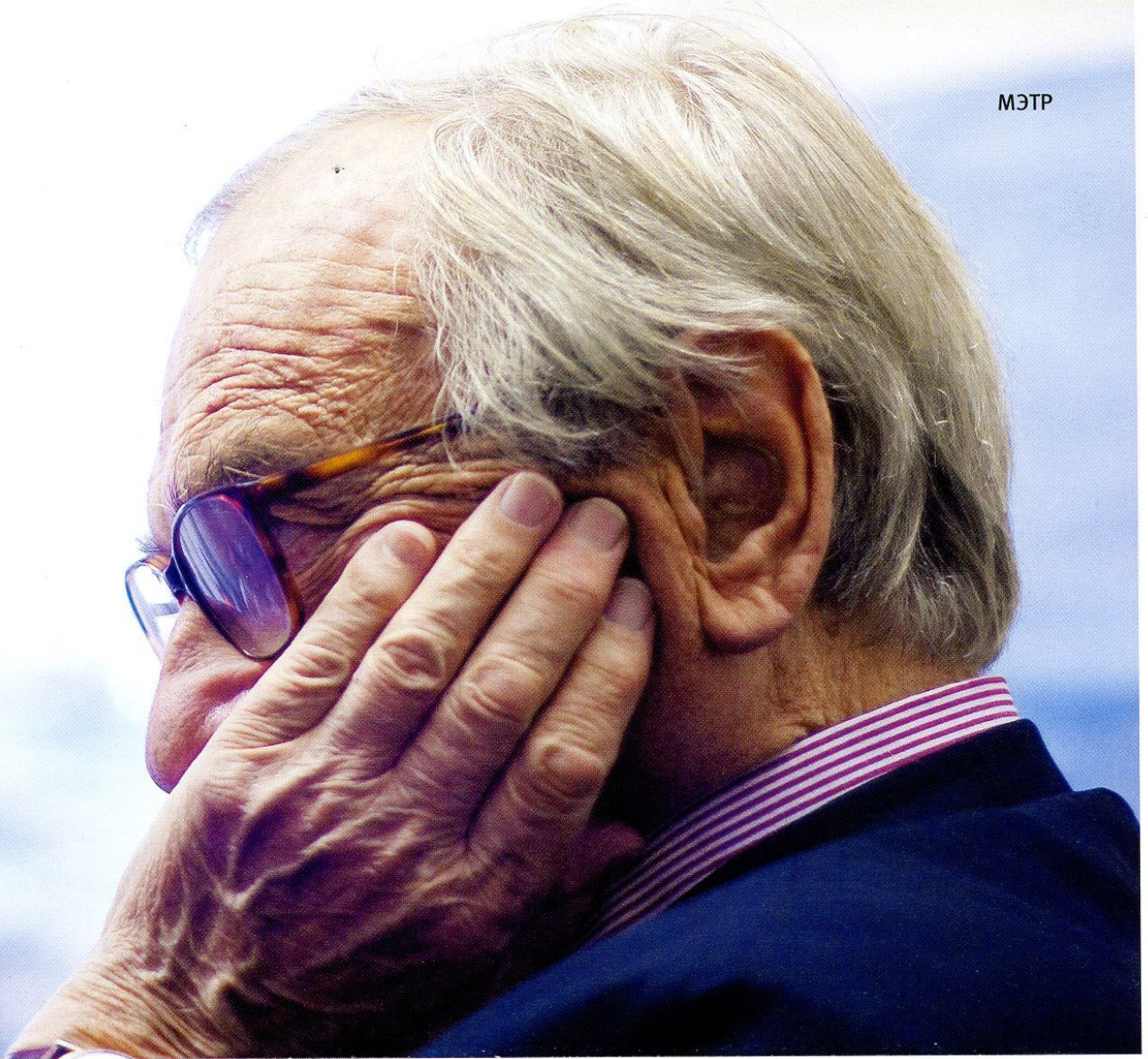
— **Культура стала ненадежным фундаментом для развития общества?**

— Это совсем не так. Я приведу вам пример. Культура — это быть кантианцем, читать произведения Канта, понимать их, следовать его мысли. Культурное — это когда я приезжаю на праздник, посвященный очередной годовщине со дня рождения Канта; я не знаю о нем ничего, но это город Иммануила Канта, и здесь проходит фестиваль. Это совершенно две разные манеры существования. Никогда не стоит говорить, что состояние культуры — катастрофическое, так как она постоянно подвержена изменению. В Древней Греции или в эпоху Возрождения все было по-другому. Не имеет смысла говорить: «О, как это было раньше!». Важно видеть отличие одного от другого: профессор-интеллектуал воспринимает Канта не так, как тот, кто решил отметить его годовщину на фестивале. Все дело в разнице культуры и культурного.

Один известный рэпер и поэт заявил, что слова прекратили свое существование, что начинается эпоха иллюстрирования. Раньше культура была вербализована: все, о чем можно помыслить, выражалось словами. А теперь культура уходит от логоса. И вопрос заключается вот в чем: нуждается ли она в таком элементе речи, как слово, или следует перейти к другим элементам? Есть люди, для которых нет в этом большой разницы, но для меня это очень важно.

— **Мы в своем журнале обнаружили, что люди снова хотят рассуждать, есть интерес к слову, не только к «имиджам».**

— Ну, если только богатые будут хотеть читать, мы далеко не уйдем!

ДРУГ КОММУНИСТОВ, СТОРОННИК ЭКОЛОГОВ

— Месье Деги, а зачем нужны поэты в современном мире?

— Они и раньше были, поэтому... они и сейчас нужны (*смеется*). Нет никаких причин, чтобы в мире не было поэтов.

— Но как они устраиваются в жизни?

— Нет такой профессии — поэт. Можно быть поэтом и преподавателем, электриком, фотографом... Ни один писатель не зарабатывает «пером». Очень редко — романисты.

— Возьмем, например, Иосифа Бродского. Его в СССР судили за тунеядство. Странно, что он не выбрал себе профессию из вашего списка...

— В случае с Бродским имеет значение бунт против общества. Многие поэты имели профессию, с помощью которой зарабатывали на жизнь. У нас были Бодлер, который унаследовал деньги, Рембо, который торговал оружием. Поль Клодель, великий французский поэт, много писал для театров. А вот Стивенсон, великий американский поэт, занимался банковским делом. И, кстати, ни Есенин, ни Маяковский не бедствовали. Невозможно же быть поэтом все время! Когда же тогда выпивать с друзьями, ужинать, спать?

— А как вы издаете ваш журнал «Поэзия»?

— Мы — три-четыре человека — пишем статьи, стихи, делаем переводы, а издательство «Белэн» (Belin) занимается печатанием журнала. За издание платит издатель.

— Зачем он это делает? Журнал приносит деньги?

— Он это делает, потому что я его попросил (*смеется*). Денег он этим не зарабатывает, только теряет.

— Вы работали в знаменитом издательстве «Галлимар»...

— Я работал в Центральном комитете «Галлимара», а потом мне сказали: «Чао! Бай-бай!». Я там проработал 25 лет и почти ничего не зарабатывал. Господин Галлимар мне платил тысячу франков в месяц, это около трехсот евро сейчас. Я работал также в критическом журнале «Ле там модерн» («Современное время») и этой работой не заработал ни франка! Так что интеллектуальная работа в капиталистическом мире не оплачивается! Если бы я не получал деньги как преподаватель и, к тому же, не женился на довольно богатой женщине, которая обеспечивала нас деньгами (у нас была квартира в Париже), то я бы не имел ничего.

— Как получилось, что вы стали придерживаться левых взглядов? Вам близки идеи социализма?

— Я всегда был антикоммунистом. Но мои друзья — коммунисты Эжен Гийовик, известный в Советском Союзе, или Луи Арагон, или великий польский поэт Эдуард Ташура — всегда приглашали меня на «слеты» писателей-коммунистов (в Будапешт, Бухарест, Варшаву и т.д.). Поэтому я много посещал коммунистические страны, но не по убеждениям, а из-за личных отношений. Сам я в молодости был приверженцем взглядов Мендеса Франса, влиятельного политика, бывшего премьер-министра, который

был радикальным социалистом. Но коммунистом я не был. Так, например, я был против политической позиции Сартра, который являлся так называемым младшим «товарищем (компаньоном) партии». К «старшим» относились люди во главе с лидером Арагоном, и были среди них еще молодые. Потом пришел к власти социалист господин Миттеран. И я был на этой стороне.

— По-вашему, капитализм — плохо, коммунизм — плохо. Какова тогда, на ваш взгляд, перспективная модель общества?

— Сегодня единственное радикальное, революционное и представляющее интерес для планеты направление называется экологией. С точки зрения политики, единственная интересная позиция — у экологистов. Достаточно посмотреть на огромный Китай, который вмиг стал капиталистическим. Если каждый человек из 6 миллиардов 200 миллионов будет иметь уровень жизни среднего американца, то Земля взорвется! И нужно менять либо Землю, либо современный уровень потребления. Поэтому сейчас я антилиберал, крайний экологист. Несмотря на то, что я курю сигарету, ношу галстук и завтра полечу на самолете.

Ц И Т А Т А :

— Я 30 лет читал Канта, и нет такого места, которое может повлиять на мое восприятие Канта. Но я рад, что приехал сюда, для меня важно то, что видел Кант, важна обстановка, которая его окружала. Я считаю, что под именем Кенигсберг, но не Калининград, этот город мог бы стать одной из культурных столиц Европы. Однако сделать это будет очень трудно. Потому что Калининград — часть России, а является ли Россия Европой — вот это вопрос...

— Для чего он выдумал Эмиля Ажара? Хотел что-то доказать французским критикам?

— Причина — в исключительности таланта Ромена Гари. Благодаря мистификации он дважды получил Гонкуровскую премию, которая никогда не присуждается повторно.

Гари изменил мир. Я считаю, что он был удивительным, интересным человеком, он был голлистом, авиатором, членом Сопротивления. Блестящий персонаж. Что касается мистификаций, то... возможно, и Гомер — мистификация (*смеется*).

Есть англичане, которые считают, что Шекспира не существовало. А некоторые французы говорят, что Корнель написал пьесы Мольера, а Мольер — Корнеля.

— Как вы относитесь к таким авторам, как Бегбедер?

— (*Делает гримасу.*) Он примитивен. Для меня он не существует. Это человек, который пишет книги, он добился успеха, ну, и отлично.

— А что вы думаете по поводу Мишеля Уэльбека?

— Уэльбек мне симпатичен. Хотя мне не следовало бы этого говорить, потому что серьезные интеллектуалы не любят Уэльбека. Я испытываю к нему симпатию, потому что он пишет цинично, хорошо подмечая детали эпохи. Он — абсолютно отчаявшийся и скептический, но он представляет мало интереса в плане композиции, языка.

— А тогда кто интересен французским интеллектуалам?

— Я отвечаю за себя. Я не делаю различия между философией и поэзией. Важно разделить литературу и то, что ею не является. Важна разница между письмом, писательством и всем остальным. Так, например, многие считают, что философия не является литературой. Но философия — это и есть литература, так как это мысли, написанные на родном языке. Для меня великими писателями — именно писателями — являются Жак Дарида, Жиль Делез, иногда Мишель Фуко. И, как это ни странно, Хайдеггер — великий писатель. Но и среди романистов есть великие. Например, Пьер Мишон, Паскаль Киньяр.

P.S.

Благодарим за перевод Евгению Фонову, доцента кафедры лингвистики Калининградской высшей школы управления.

Мишель Деги (слева) и его немецкий друг Герфрид Хорст в Калининграде.

НЕСУЩЕСТВУЮЩИЙ БЕГБЕДЕР

— Когда вы сказали про издательство «Галлимар», я вспомнила, что там издавался известный писатель Ромен Гари, который застрелился в 1980 году. Объясните: почему люди, находясь в творческом расцвете, прожигают успешную жизнь, совершают самоубийство?

— Это нормально — заканчивать жизнь самоубийством. Так поступил, например, чудесный человек, которого зовут Жан Амери. Он европейец, немец, один из великих мыслителей современности, был во время войны сослан в концентрационные лагеря, выжил, но позже покончил жизнь самоубийством. Но перед этим написал замечательную книгу на тему самоубийства. Гари страдал алкоголизмом, раздвоением личности, но был гением (Ажар — псевдоним, под которым он творил). Еще у него была жена-алкоголичка, которая снималась у Годара.